

05
0-52

ISSN 0132-0637

Октябрь

Алексей Андреев
ЭКСТРЕМИСТКИ

Ирина Ермакова
ЛЮБОВЬ и ДРУГИЕ

Александр Мелихов
ЗОВ ПРЕДКОВ
ИЛИ ГОРЬКИЙ ОПЫТ?

Ольга Серебряная
О РЕВОЛЮЦИИ
В ОТДЕЛЬНО ВЗЯТОЙ
КНИГЕ

7 2011

ОКтябрь

НЕЗАВИСИМЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ С МАЯ 1924 ГОДА

7 2011

В Н О М Е Р Е

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Алексей АНДРЕЕВ Экстремистки. Повесть	3
Ирина ЕРМАКОВА Любовь и другие. Стихи	89
Галина ЗАЙНУЛЛИНА Жива в эпоху перемен. Повесть	92
Владимир ЛОРЧЕНКОВ Ленинградские дети. Рассказ	133

ПУБЛИЦИСТИКА И ОЧЕРКИ

Александр МЕЛИХОВ Зов предков или горький опыт?	141
--	-----

Там, где

Александра ГУЗЕВА Наука и жизнь – новая версия	146
Мария ЗЕЛЕНОВА Деревянная искренность	149

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Ольга СЕРЕБРЯНАЯ О революции в отдельно взятой книге	152
Ефим ГОФМАН Можно дышать и тут	159
Юрий УГОЛЬНИКОВ Литературная матрица	165
Дмитрий БАК Сто поэтов начала столетия. О поэзии Даниила Давыдова и Виктора Сосноры	172

Оренбургская областная научная
библиотека им. Н. К. Крупской

№ 140933

Владимир ЛОРЧЕНКОВ

Ленинградские дети

РАССКАЗ

- Да это же сам Моклитару!
- Ага, а я сам император Нерон.
- Протри глаза, кретин! Это сам Моклитару!
- Сам Моклитару?
- Сам Моклитару.
- Не может быть!
- Говорю тебе, это Моклитару, лопни мои глаза.
- Выпьешь еще столько же, лопнут.
- Кстати, может, выпьем?
- Давай, за все хорошее. Но неужели же сам...
- Говорю тебе, сам Моклитару!
- О черт, вот жизнь собачья!

Человек, о котором шла речь, Моклитару, поежившись от утреннего холода – на нем из верхней одежды была лишь майка, – продолжил обход столиков кафе. На каждый клал ручку, переплетенную цветной проволокой, бумажку с ценой на ручку прописью и отходил. Возвращался минуты через три. Если на бумажке лежали деньги, брал их и отходил. Но чаще всего ручка так и лежала нетронутой, и тогда ее приходилось забирать.

Вообще-то это был бизнес глухонемых, но их главарь – здоровенный рыжий мужлан – в молодости обожал балет. Поэтому для Моклитару сделали исключение. И он не всплыл с проломленным затылком где-то в русле кишиневской реки Бык, а продолжил торговать ручками в кафе. Хотя бизнесом-то это не назовешь, тоскливо подумал Моклитару. И хлопнул первые сто граммов, оглядывая столики. Десять часов утра.

- Может, предложим ему выпить? – подал надежду голос.
- Да ну, он и так алкоголик, зачем усугублять? – убил надежду другой.
- А почему он спился? – слышал он голоса, к которым уже привык.
- Слава, – сказал кто-то.
- Бабы, – ответил кто-то.
- Посиделки с друзьями, – предположил кто-то, на которого зашикали

друзья.

Если бы Моклитару хотел, то непременно рассказал бы компании, почему спился.

Я просто люблю оцепенело смотреть в лицо вечности, сказал бы он, и только алкоголь позволяет мне отрешиться от всего, что мешает это делать.

Владимир Лорченков родился и живет в Кишиневе. Окончил факультет журналистики Молдавского государственного университета. Автор более десятка книг прозы, переведенной на сербский, итальянский, немецкий и норвежский языки. Лауреат премии «Дебют» (2003) и «Русской премии» (2007).

Это был красивый ответ, рассчитанный на таких вот дурачков в кафе. Но это была и правда. Бывший хореограф с мировым именем – нонсенс для Молдавии, за это его здесь сразу же возненавидели, – Моклитару обожал оцепенело смотреть в лицо вечности, и только алкоголь позволял ему отрешиться от всего, что мешает это делать. Сначала это было шампанское пошелте премьер – выпив впервые в жизни в тридцать, Моклитару понял, что родился именно в этот момент, – потом коньяк, потом джин и виски, затем водка. Все это стало мешать работе и творчеству, и он бросил работу и творчество.

Потому что только пьющий человек в состоянии понять, насколько оно жалко, это ваше несчастное творчество.

Сейчас Моклитару покупал первую выпивку за полтора лея – десять центов, – и был это самогон самого поганого качества. Сто граммов. Но вкус не имел значения. Главное ведь совсем другое, думал Моклитару. Слава к нему пришла десять лет назад и закончилась пять. Значит, спиваюсь я уже пять, подумал он. Но все это не имело значения. Он не хотел ставить спектакли, не хотел писать, не хотел творить, ни хрена не хотел. Он вспомнил свой спор с давним приятелем, писателем Лоринковым, и криво ухмыльнулся.

– Творец должен творить, так хочет Бог! – кричал этот пафосный торопыга.

– Черт его знает, чего он хочет, – отвечал Моклитару, – но если он и правда Творец, то одного на весь мир хватит.

– Смирение – это перестать пытаться подражать одному-единственному творцу в мире, – сказал Моклитару.

– Значит, смирение – это пить и ничего не делать, – сказал он.

И смирился. Это было давно. Лоринков, по слухам, давно уже в Португалии, моет посуду в ресторанчике своего брата и по ночам урывками все конкурирует с богом, самовлюбленец несчастный.

А Моклитару тут. В кафе.

Утренний холод все не проходил. Бича начала бить легкая дрожь. Компания каких-то мудаков – по виду то ли интеллигенция, то ли бичи, а в Молдавии выглядят они одинаково – с сочувствием глядела на бывшего хореографа с мировым именем. Для Молдавии Моклитару был то, что надо. Кому в этой дыре не хочется видеть человека, которого принимали президенты, которого обхаживали лучшие танцовщицы мира и который все проиграл? Но это они так думают. Я не проиграл, подумал Моклитару. Мир – это казино Бога. У казино можно все время выигрывать лишь одним способом, подумал он. Только отойти.

И отошел от стойки собирать ручки.

Хореограф Моклитару пересчитал выручку.

Она составила сумму на бутылку дешевого коньяка. На полдня этого вполне достаточно, подумал хореограф и вышел из кафе, слегка пошатываясь. Дела шли не очень. Спиваться приятно, но это приводит к моменту, когда спиваться становится просто не на что. Парадокс, подумал хореограф. Чтобы пить, нужны деньги, но когда пьешь, деньги кончаются. Долбаная диалектика!

Напротив заведения – средней ценовой категории, с хорошим кофе и неплохой едой – зловеще глядело черными окнами здание городского КГБ. Оттуда, пошатываясь, вышел человек в плаще.

– Моклитару? – спросил он почему-то Моклитару.

– Моклитару, – ответил тот.

– Хотите работать на нас? – спросил человек в плаще.

– А что надо делать? – спросил Моклитару.

– Ходить, как и раньше, в кафе, только не просто раскладывать ручки, а подслушивать разговоры и докладывать о них нам, – ответил человек в плаще.

– Кому «нам»? – спросил Моклитару.

– Такие вещи не разглашаются, – ответил человек в плаще.

– Значит, делать то, что я делал раньше, докладывать об этом фиг знает кому и...

– Но-но! – сказал человек в плаще.

– Ладно, – сказал Моклитару.

– Делать то, что раньше, докладывать об этом фи... тем, чье имя не разглашается, и получать за это зарплату?

– Какую еще зарплату? – спросил человек в плаще.

– Пошел к черту, – ответил Моклитару.

– Моклитару! – крикнул ему вслед человек в плаще. – Моклитару!

– Мы думали, вы патриот! – крикнул человек в плаще.

– Патриот-поцелуй-себя-в-рот! – крикнул не утративший артистизма Моклитару.

– Моклитару, я прошу вас, остановитесь! – крикнул человек в плаще.

– Иди. К. Черту, – сказал, не оборачиваясь, Моклитару.

– Ну, прошу вас, ладно, давайте забудем неудачное начало! – крикнул человек в плаще.

– Иди к черту, – сказал Моклитару, уходя.

– И все же я прошу вас, я заклинаю вас именем балета, остановитесь! – крикнул человек в плаще.

Моклитару остановился и обернулся.

– Ну? – спросил он.

Человек в плаще сказал:

– Может быть, вы тогда одолжите мне десятку до пятницы?

Дома хореограф налил в грязную ванну кипятка – купался он два раза на дню: скоро за долги ему отключат и горячую воду, следовало поторопиться получить ускользающие блага – и поставил в старый проигрыватель пластинку Баха. Запись в рижском католическом соборе. Советское еще качество, подумал Моклитару и хлебнул из бутылки. Достал томик Шекспира. Открыл наугад. «Король Лир». Начал читать. На восемнадцатой странице, там, где дочери уже стали предавать старенького отца, Моклитару всхлипнул. Ближе к концу, когда Лир, босой и нищий, бродил по полям, хореограф начал плакать в полную силу. Он понял, что обнажил нервы настолько, что принял на себя *все* скорби мира.

Трагедия отца Ахилла была для него жива, как сегодняшняя.

Дети, вырезанные испанцами в Мексике, обнимали его колени.

Маленький турецкий принц, утопленный братом, лежал в его ванне.

Трехлетний еврей бился в обратную сторону стекла его не пропитой еще духовки.

На месте пропитой люстры болтался пятилетний английский пацаненок, повешенный за бродяжничество в семнадцатом веке.

Король Лир был для него *человеком*, а не театрально-литературной фигурой.

Моклитару понял, что принял на себя *все* скорби мира, и возрадовался.

Но и разрыдался. Прямо как Иисус.

– Господи, Господи, Господи, – приговаривал он.

– Как же так? – спросил он.

– Бедненький-бедненький, – сказал он.

– Бедные дети всего мира всех веков, – сказал он.

– Господи, я прошу тебя, умой их росой и дай покоя, – всхлипнул он.

Выключил проигрыватель и, оставляя лужи, пошел в комнату и включил радио. Передавали стихи о детях блокадного Ленинграда. Моклитару сел и, обхватив голову руками, разрыдался.

– Бедные, несчастные дети, – сказал он.

– Как Бог мог допустить это, – сказал он.

Потом подошел к окну и, допив коньяк, спросил:

– Чего хочешь от мя, Господи?

Сверху никто не ответил. Но зазвонил телефон. Моклитару, все еще плача, вздрогнул.

– Знак, – прошептал он и взял трубку.

– Моклитару? – Это была бывшая жена.

– Ну? – спросил он, все еще переживая.

– Как насчет алиментов хотя бы за позапрошлый год? – спросила она.

– Твоим двум детям нечего надеть, – напомнила она.

Моклитару знал, что она не преувеличивает. Пацанам и правда нечего было надеть. Да и питались они не так, чтобы очень. В основном горохом, макаронами и хлебом.

– Ну а чем я могу помочь? – спросил он.

– Какой же ты... – сказала она.

– Отцепитесь от меня все, – сказал он резко.

После чего повесил трубку и снова заплакал.

– Бедные детки, – сказал он.

И добавил, чтобы понятнее было:

– Бедные ленинградские детки.

На следующее утро проснулся Моклитару поздно и, выйдя в кафе, увидел, что вместо него ручки раскладывает какая-то потаскушка. Он уволен, понял бывший хореограф. Оставалась последняя ступень. Ну что же.

Моклитару начал просить Христа ради.

– Пятерочки не будет? – интимно шепнул хореограф двум журналистам с центрального канала.

– Пошел на... – обернулся к нему один – и замолчал.

– Да это же сам Моклитару, – услышал хореограф шепот, отходя с пятеркой.

Ему было все равно. Оказалось, что просить – это как играть в школьном театре. Сначала дрожь, а потом равнодушие и высокий профессионализм. И прима, упитанная девятиклассница, в качестве главного приза. Конечно, в голосах подающих было удовлетворение. Чувак из Молдавии стал мировой звездой и опустился. Бинго. Это оправдывало существование четырех миллионов молдаван в глазах самих четырех миллионов молдаван. Но они наивны как дети, подумал Моклитару. Думали, что спаявают меня, а я сам шел по своему пути.

– Пятероч... – начал было Моклитару, но осекся.

– Моклитару, – сказал человек в плаще, – на кого вы работаете?

– Иди к черту, – сказал Моклитару.

– Иди к черту ты, – сказал человек в плаще и показал ордер на арест с пустым местом под фамилию.

– Садись, – велел он.

Моклитару послушно сел. Он не боялся тюрьмы, но там нельзя пить. Зачем тогда туда садиться? Человек в плаще хлебнул пива.

– На кого ты работаешь? – спросил он.

– Ни на кого, – сказал Моклитару, – что вы не...

– Не парь мне мозги, – сказал человек в плаще.

– Ты шарришься по городскому кафе, где шарится вся долбаная интеллигенция, чтоб ее, – сказал человек в плаще.

– Подслушиваешь их разговоры, – продолжил он.

– Ты не вербуешься, наконец, – сказал человек в плаще.

– Значит, – сказал он, – тебя уже завербовали и ты стучишь для кого-то другого.

– Осталось выяснить, на кого, – сказал он торжествующе.

– Я просто нищий, – сказал Моклитару и всхлипнул.

– Я... я... я... – всхлипывал экс-хореограф.

– Соберись, – сказал человек в плаще, – давно пьешь?

– Лет семь, – сказал Моклитару.

– Недолго тебе осталось, – сказал человек в плаще.

– Вам тоже, – сказал Моклитару, глядя, как тот допил пиво.

– Я на государственном коште, – сказал человек в плаще, – такие спиваются гораздо медленнее.

– Так на кого ты работаешь? – спросил он.

– Клянусь, ни на кого, я нищ, я алкоголик, я опустился, – сказал Моклитару и снова стал плакать.

– Алкоголики все слезливые, – сказал человек в плаще.

– Так будешь стучать для нас? – спросил он хореографа.

– За зарплату – да, – сказал, плача, Моклитару.

– Не вербуется, гаденыш, – сказал человек в плаще.

Встал и вышел. Моклитару повертел пустую кружку, собирая языком остатки пены, и вытер слезы. В кафе было пусто. Бармен в углу старательно делал вид, что ничего не заметил.

Хореограф вздохнул и стал ждать посетителей.

Зимой человек в плаще спас Моклитару жизнь.

Намерения у него, правда, были прямо противоположные.

Когда Моклитару выходил из кафе – уже темнело, и сразу за дверьми, окаймленными по периметру мигающими лампочками, начиналась ночь, – его уже ждали. Человек в плаще и еще один человек в плаще.

– Вот ты и попался нам, сука, – сказал человек в плаще.

– Агент иностранной разведки, – сказал еще один человек в плаще.

– Какой еще разведки? – спросил испуганный Моклитару, пока они подталкивали его к стене.

– Ты же сам не захотел нам рассказать, – сказал человек в плаще.

– Значит, эта тайна умрет с тобой, – сказал еще один человек в плаще.

– Я требую адвоката, – сказал Моклитару.

Люди в плаще рассмеялись. Старший показал Моклитару завтрашнюю правительственную газету. На странице чернел приговор Моклитару.

«Государственная разведка разоблачила агента иностранных спецслужб! Сопrotивляясь, пододнок погиб! Разведчики оправдали существование нашей спецслужбы на годы вперед. Пододнок подслушивал разговоры национальной интеллигенции в культовом местном кафе! Грим нищего... Легенда алкоголика... Вербовка... На кого... Чьи силы...»

– Зачем? Что это? – спросил Моклитару, поняв, что его правда убьют.

– А ты, сука, думал, что зимний отпуск только у бомжей бывает? – спросил человек в плаще.

– Мы получим за тебя премию, – сказал мечтательно еще один человек в плаще.

– Лично я поеду в Румынию, в горы, – сказал человек в плаще.

– А я в Болгарию, тоже в горы, – сказал еще один человек в плаще.

– Ладно, пора кончать с ним, – сказали хором оба.

– Слушайте, – сказал Моклитару, замерзший, потому что верхней одежды у него, конечно же, не было. – Но ведь не делается все это *так*.

– А как это делается? – спросил, смеясь, старший.

– Ведь врагов государства убирают тайно, – сказал спившийся хореограф, вспомнив пару фильмов, которые смотрел в детстве

– Верно, – сказал человек в плаще. – *Настоящих* действительно убирают тайно.

– Вот как дружка твоего, Лоринкова долбаного, – сказал еще один человек в плаще.

– Он всех нас так задолбал, что его пришлось убрать, – признался он.

– Или ты думал, что он в Португалии посуду моет, ха-ха? – спросил Моклитару человек в плаще.

– Да, – сказал помощник, – помню ту операцию...

– Премия и три недели летнего отпуска в Тунисе, – вспомнил он.

– Но ты-то не настоящий враг государства, – сказали хореографу люди в плащах.

– Поэтому тебя можно грохнуть явно и получить за это премию и отпуск.

– Я проте... – начал Моклитару.

Но не закончил. Мужчины деловито пырнули его ножом тридцать четыре раза и ушли.

Моклитару умер.

Но какой-то молодой врач больницы скорой помощи, у которого в задку все еще чесалось побыть Айболитом, решил иначе. И Моклитару спасли, зашив все его тридцать четыре дырки и откачав после двух клинических смертей. Хореограф, лежа в теплой палате всю зиму, без алкоголя, под капельницами, окормляемый диетическим питанием, понял, что его спасли. Во всех смыслах. В больницу, правда, пытались прорваться местные журналисты, но им объяснили, что убитый агент совсем другой человек, а этот – просто бомж, пострадавший в пьяной драке.

– Повезло тебе, сученыш, – сказали люди в плащах, когда пришли навестить хореографа.

– Живучий как кошка с вечным, млин, двигателем... – поэтично восхитились они.

– Что с моей женой? – спросил вдруг Моклитару.

– А у тебя есть жена? – спросили люди в плащах.

– Я думал, вы знаете все, – сказал Моклитару.

– Мы знаем все, что нам нужно, – сказали люди в плащах.

– А твое семейное положение нам на фиг не сдалось, – огорчили они Моклитару.

И ушли, оставив хореографу сок и булочку.

Моклитару подумал, что у блокадных детей и такого не было, и расплакался.

Следующим летом, выписавшись из больницы, поспеживший и помолодевший Моклитару стал свидетелем Иеговы. Но ежедневного маршрута не сменил. Ходил все по тем же заведениям, только теперь вместо ручек и жалостливых историй подкладывал на столики Библии.

– Братья мои, – говорил он алкашам, окружавшим его, как голуби окружают туриста на площади Святого Марка.

– Я излечился, и вы сможете, – говорил он.

И рассказывал всем свою историю. За небольшими исключениями – два пьяных и обколотых подростка, жаждавших добыть денег на новую дозу,

вместо людей в плащах – в ней все было правдой. И звонок от жены, как предупреждение Бога. И слезы о бедных детках. И все такое. Деток Моклитару водил с собой. Двоих пацанов – восьми и десяти лет – в костюмчиках и с папками. Конечно, когда не было уроков. Мальчишки были степенные и важные. Маленькие свидетели. Моклитару получал за служение кое-какие деньги, так что ребята начали отъедаться. Жена хореографа от счастья потяряла дар речи и стала разносить с глухонемыми ручки и игрушки по кафе.

Моклитару думал, что сорвал банк во всем.

– Я пришел к вам, братья, как послание, – говорил он.

– Я пришел к вам как предупреждение, – предупреждал он.

– Я пришел к вам, – говорил он.

Кое-кто и правда завязывал. В конце концов, пример был более чем убедительный. Все помнили, в каком положении был Моклитару *до* и в каком появился *после*. Все считали, что Моклитару спас сам Бог. И хореограф, раскладывая Библии на замызганные столики кишиневских кафе, иногда думал, что, возможно, Творец хотел бы в чем-то конкуренции с нашей стороны. Хоть мы никогда у него не то что не выиграем, но даже и не сравнимся с ним. Но он конкуренции все равно хочет и ее поощряет.

Хотя бы просто для того, чтобы быть в форме.

Спустя четыре года исцеленному было явлено Чудо.

Экс-хореограф и проповедник Моклитару, раскладывая Библии, наткнулся в одном из кафе на покойника. Жестоко убитый писатель Лоринков пил кофе, сваренный на песке, неприлично – чересчур неприлично для умершего – хлюпая.

– Я пришел дать вам... – растерянно сказал Моклитару.

– Чего? – спросил Лоринков и поднял глаза.

– Ох ты, – сказал он. – Воскресший Лазарь.

– Моклитару, вы бросили пить? – подвинул он стул хореографу.

– Мне сказали, ты давно погиб, – сказал Моклитару.

– Я? – удивился Лоринков.

– Да я мою посуду, как заводной, и только и успеваю, что по ночам написать кой-чего, – сказал он.

– В Португалии, – сказал Моклитару.

– В Испании, – сказал Лоринков.

– Гребаная Молдавия. Всё переврут, – покачал он головой.

– Я думал, ты покойник, – еще раз сказал Моклитару.

– Да ничего со мной не случится, – утешил Лоринков хореографа и крикнул: – Два коньяка и еще кофе!

– Я не пью, – сказал Моклитару.

– Нет проблем, я выпью два, – сказал Лоринков.

– Не стоит пить, – сказал Моклитару.

– Я и не пью, – нелогично сказал Лоринков.

– Давай я тебя угощу, – сказал Моклитару, потянувшись к кошельку.

– Не стоит, – резко сказал Лоринков.

– А в чем дело? – спросил Моклитару.

– Я никогда не позволяю молдаванам себя угощать, – сказал Лоринков.

– Ну, чтоб не спиться, – пояснил он.

– Молдаване всех спаивают, – сказал он и подвинул рюмку хореографу.

– Ты суеверен, – сказал Моклитару.

– Это имеет резоны, – сказал Лоринков.

Моклитару подумал о себе и вынужден был согласиться.

– Вот в отпуск приехал, расслабляюсь, – сказал Лоринков.

– Давай расслабимся, читая Библию, – сказал Моклитару.

- Давно это с тобой? – спросил Лоринков.
- Бог спас меня, – сказал Моклитару.
- Бога нет, – сказал Лоринков жестко.
- Я это давно для себя выяснил, – сказал он жестоко.
- Это еще почему? – спросил Моклитару, оживившись в предчувствии спора.
- А как же ленинградские дети? – спросил Лоринков и выпил коньяк. Моклитару поник.

В тот день хореограф впервые пришел на собрание слегка выпившим.

Но потом держался еще некоторое время. Пить он начал спустя полтора месяца. В первую очередь проданы были Библия и папки. Потом пиджак и галстук. Последними ушли брюки. Жена – как коллега по работе – пила вместе с ним, и квартиру они пропили очень быстро. Дар речи к ней так и не вернулся. Когда, выпив, она попала под автобус и ее привезли в больницу, она не смогла сказать, какая у нее группа крови, и умерла. Моклитару, пьяный, оборванный, на радость публике вновь стал попрошайничать в кафе напротив городского КГБ. Он плясал у столиков и говорил, что ненавидит Бога и что Бог несправедлив, раз допускает мучения детей. Его дети были уже взрослыми и с отцом отношения порвали. Моклитару этого в процессе своей ссоры с Богом не заметил. К осени его видели на улицах в одних семейных трусах. Он был настолько грязен, что его брезговала задерживать полиция.

Холодало, и женщины останавливались у витрин меховых магазинов все чаще.

Надвигалась зима.

